

СЛОВА
ПРО ЛЮБОВЬ

Агата
ЛЕЛЪ

ИНТИМ
НЕ ПРЕДЛАГАТЬ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л43

Художественное оформление серии
Андрея Старикова

Лель, Агата.
Л43 Интим не предлагать : роман / Агата Лель. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-107697-9

Скромная провинциалка Женя и столичный мажор Богдан учатся в одном университете, но вместе с тем словно существуют в параллельных вселенных. Ее мир – аудитории и библиотеки, посиделки с лучшей подругой в съемной однушке и виртуальный роман с американцем Джоном. Жизнь Богдана составляют бесконечные тусовки в клубах и легкие, ни к чему не обязывающие связи с девушками. Но все меняется, когда Богдан, заключив пари с приятелем, предлагает Жене фиктивный брак – ненадолго, всего на месяц...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107697-9

© Хатунцева Е., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

День X

ЖЕНЯ

Гудок, второй, третий... Кажется, это будет длиться вечность.

Малиновский, черт бы его побрал!

Сжимаю в руках раскаленную трубку и откровенно психую. Жара для начала мая стоит несусветная, макияж поплыл, туфли натирают, а вокруг головы кружатся сонные пчелы. Спасибо подружке, что надоумила с утра сделать медовую маску для волос.

Снова набираю номер и жду, жду, жду.

— Жень, ну чего там? — кричит с балкона Анька, и я, приподняв край фаты, задираю голову вверх.

— Как видишь — ни принца, ни кареты.

— Ну, ты подожди еще, до регистрации целых двадцать минут, — озабоченно вещает с лоджии седьмого этажа Цветкова, а я, прикрыв раскрасневшееся от зноя лицо фатой, делаю вид, что не замечаю ехидного шушуканья соседок на лавочке.

Да, вы не ослышались — до регистрации моего брака остались несчастные двадцать минут. Я как дура стою возле подъезда в сва-

дебном платье, туфлях-лодочках и букетом карликовых роз в руках, в ожидании самого-самого-самого расчудесного на свете недоумка, чьей женой я совсем скоро стану.

Какой черт меня дернул подписаться на эту авантюру? Пожалуй, после предыстории все вопросы отпадут сами собой...

*За неделю до трагического
счастливого события*

ЖЕНЯ

— I miss you too, John.

— Же-е-ень!

— I have to run later in the evening.

— Женька!

— Seven o'clock.

— Ромашкина, блин! — психует Цветкова и, нагло выхватив из моих рук телефон, безапелляционно вырубает видеосвязь. — Через две минуты пара у Веника, он нас в порошок сотрет. Мы и так половину прошлой лекции в кафе-мороженом прогуляли.

— Ты даже не дала мне с Джоном нормально попрощаться, разве так подруги делают? — Нахмутив брови, отнимаю телефон и бросаю на дно сумочки. — Он, между прочим, через несколько дней в Альпы улетает, а там связь плохая.

— Успеешь еще наворковаться со своим Джоном! Он там, в своей Америке, а Веник, —

Цветкова расставляет пятерню над головой и имитирует кроличий прикус, — а Веник здесь, в соседней аудитории, и он очень-очень зол. Хочешь помимо билета до Аризоны еще и на диплом фальшивый копить?

— Нет-нет, это крайне нежелательно. Я сейчас каждый рубль откладываю, копейка — и то на вес золота! — Хватаю подругу под руку и едва за ней поспеваю. — Если бы ты знала, как я мечтаю сделать Джону сюрприз! Представляешь, сидит он такой дома, изучает свои походные карты или компас читает, тут звонок в дверь, и та-да-а-ам...

— Что «тадам»?

— Не догоняешь? А в дверях я, Цветкова! Нежданно-негаданно. Вот он офигеет.

— Веник офигеет еще больше, если мы на пару вовремя придем, — Анька открывает дверь и подталкивает меня в шумную аудиторию. — Окончишь универ и езжай тогда куда хочешь. Я мамке твоей обещала за тобой присматривать.

— Да ты сама ведешь себя как мамка моя порой, — бросаю на стол сумку и плюхаюсь на свободное место. — А я, между прочим, на два месяца тебя старше!

— Возраст, Ромашкина, не годами в паспорте исчисляется, если ты не знала, а содержанием того, что находится здесь, — она бьет себя ладонью по макушке. — А ты, в своих тепличных условиях, страшнее таракана на хлебнице в жизни ни с чем не сталкивалась.

— Фу-у, да я бы в обморок рухнула, если бы таракана на хлебнице увидела.

— О чем и речь, Женька, о чем и речь, — Цветкова достает из сумки свои окуляры и водружает на нос. — А я с седьмого класса отца пьяного с работы на себе тащила, борщи варила и брата младшего воспитывала.

— Это да, тут тебе не позавидуешь, — вздохнув, ставлю локоть на стол и опираюсь щекой на кулак. — Мама тебя мне в пример с самого детства ставила — мол, посмотри на Аню, какая умная и взрослая не по годам девочка, маленькая хозяйка, а ты... ромашка тепличная. А вот так подумать — фамилии у обеих цветочные, а с клумб разных.

— Просто твою клумбу любовью и баловством поливали, а мою... — Анька машет рукой, намекая на то, что хочет закрыть эту не слишком приятную тему, но потом все-таки не выдерживает: — Зато маменька моя удачно замуж второй раз вышла, — и язвительно добавляет: — За моряка! Не зря хоть из дома убежала.

Кладу руку на плечо подруги и притягиваю Цветкову ближе к себе.

— Не расстраивайся, Аньк, зато моя мамка знаешь как тебя любит, мне иногда кажется, что даже больше, чем меня.

— Теть Алла — мировая женщина. Так что, Ромашкина, даже не думай о глупостях, я с тебя живой не слезу, но до диплома доведу. Я теть Алле обещала.

С Анькой мы с детства как родные, все так нас и называли во дворе — молочные сестры. Абсолютно разные, но отлично дополняющие друг друга. А с тех пор как мать ее сбежала к другому мужику, Анька мне еще ближе стала. Вплоть до одиннадцатого класса неразлейвода: совместные ночевки, вылазки на природу, выходные на даче, да и после школы как шерочка с машерочкой — в один институт поступили, делим однушку на двоих.

И кто сказал, что женской дружбы не бывает?

— Скажи спасибо, что я ей о твоих шашнях с этим твоим мутным Джоном еще не доложила, — добавляет Цветкова, и я вспыхиваю:

— Ты что! Даже не вздумай! Она меня точно дома под замок посадит, как эту, ну как ее там...

— Рапунцель.

— Точно! У меня и коса как раз длинная. А-ань, как же он мне нравится, — ложусь на вытянутую руку и мечтательно прикрываю глаза. — Представляешь: окончу универ, улечу к Джону в Америку, будем с ним вместе путешествовать, потом поженимся, детишек родим...

— Вернись на землю, Ромашкина, — жестоко осаждает подруга. — Джон этот твой мне, если честно, доверия не внушает совсем, — и тихо добавляет: — Мутный он. Скользкий. Вот пятой точкой чую.

— Много она понимает, твоя пятая точка, — обиженно принимаю вертикальное положение и одергиваю полы легкого пиджака. — Джон классный, и он меня любит. Сам сказал!

— О да! Правду в глаза легче всего говорить по телефону. А уж врать...

— Да иди ты! — отмахиваюсь я и, в надежде переменить тему, смотрю на часы. — И где этот Веник ходит? На нас за опоздания орет, а сам уже на четыре минуты лекцию задерживает. Я, может, изнемогаю, к знаниям тянусь.

— Влюбчивая ты, Ромашкина, глупышка еще, — тоном опытной матроны изрекает Анька и, открыв толстую тетрадь, тут же ее захлопывает, хитро заглядывая мне в глаза. — Вспомни Ширяева. Как ты по нему сохла?

— Ну ты скажешь тоже! Это когда было?! Ты еще события сорок первого года вспомни.

— А что было в сорок первом? — тут же цепляется Цветкова.

— Война, — хлопаю глазами я. — Вторая мировая.

— Между кем и кем?

— Отстань, а! — с улыбкой пихаю в плечо подругу и тоже достаю тетрадь. — Да и не нравился мне Ширяев прям так уж чтобы...

— Да-да-да, после школы его поджидала и записки любовные в карманы подкладывала.

— Это в восьмом классе было, але! Ребенок я была.

— А Грибанов? — щурится Цветкова и противненько так меня пародирует: — Анто-он, Антошенька-а, я буду тебя из армии ждать, честно-честно! — и строго, уже своим голосом, добавляет: — Потом в жилетку мне рыдала неделю, когда узнала, что он там по самоволкам к девчонкам из швейного техникума в общагу бегаёт. И курить ты тогда первый раз попробовала, я все-е помню.

— А это было в одиннадцатом! Тоже недалеко умом от восьмого ушла, — защищаюсь я.

— Ну, хорошо. А Малиновский Богдан? — ещё один шар в лузу.

— Ты дурочка, что ли? Малиновский — идиот каких поискать, и по нему я точно никогда не сохла. Так, понравился чисто внешне при первой встрече, но потом, когда я его получше узнала... Да чтобы с ним даже на одном поле — да ни в жизнь! — уверенно отрезаю я и не вру.

Заносчивый мажор. Думает, что вся женская половина института готова пасть к его ногам, едва он только приоткроет дверь «Бентли», купленного на деньги папочки, и пальцем поманит. Ни за что! Вот в него не влюбиться у меня ума точно хватило. Как понравился при первой встрече, так сразу и разочаровался.

— Ну ладно, Малиновского можно вычеркнуть, и то, — поучительно поднимает указательный палец Анька, — это потому что

я тебе быстро глаза на него открыла. Если бы не я, ты бы точно повелась.

— Да прям! — фырчу и даже начинаю раздражаться. — Короче, хватит все мои симпатии перечислять, Джон — это точно другое. К нему у меня настоящие взрослые чувства, и я обязательно найду деньги и улечу в Америку, вот увидишь.

— Ну ладно, ладно, только диплом сначала получи, а потом хоть к Джону в Америку, хоть к Василию в Перелешино, — разрешает Цветкова, и я не могу удержаться от улыбки.

Ну, точно в мамки записалась!

Дверь с легким скрипом открывается и в аудиторию заглядывает... Малиновский. Он-то что тут забыл? Как говорится: вспомни, кхм, ну вы поняли что — и вон оно.

Смахнув со лба модно подстриженную челку, Малиновский бегло осматривает аудиторию и, игнорируя выражение неприкрытого восторга на лицах, что уж греха таить, практически всех девчонок, впивается взглядом в меня.

— Ромашкина, иди сюда, поговорить надо, — движением головы Богдан небрежно указывает куда-то в сторону, но я даже ухом не веду. Беру в руки карандаш и демонстративно пялюсь на доску, исписанную оставшимися от прошлой лекции формулами.

— Ромашкина! — повторяет Малиновский громче и хмурит густые темные брови.

— Еще чего! У меня лекция, — не глядя на него, выдаю я и прямо кожей ощущаю, как у всех челюсть отвисла.

— Так Веника же нет. Иди, не пожалеешь.

— Тут говори, у меня от Цветковой секретов нет. И от остальных тоже.

— Вот настырная, — Богдан криво усмехается и, к общему восторгу девчонок, проходит в аудиторию. Подойдя к нам с Анькой, ставит локти на стол и стреляет по сторонам голубыми глазами. — Ромашкина, разговор крайней степени важности. Пошли.

Кошусь на Аньку — та сидит с непробиваемым фейсом. Слышу сзади шепоток Селивиновой:

— Богдаш, а я не подойду?

— Прости, лапуль, не сегодня, — отвечает он и тихо бормочет себе под нос: — Да и не завтра.

И тут же громко, включив все свое обаяние, объявляет:

— Ромашкина, будь человеком, удели мне минуточку своего драгоценного времени!

— Ла-адно, — тяну я и нарочито медленно поднимаюсь со скамьи.

Честно, не знаю, зачем согласилась. Наверное, чтобы утереть нос всем этим инста-красоткам с нашего потока. Так-то и я ничуть не хуже — фору любой дам, но повыделываться все-таки хотелось.

— Я скоро, Ань, — бросаю Цветковой и неторопливо выхожу вслед за Малиновским.

Закрыв дверь, прислоняюсь к ней спиной и складываю руки на груди.

— Ну, и? Чего тебе?

— Не-не, лапуль, не здесь. Разговор серьезный и, — он подмигивает, — интимный.

— Я тебе не лапуля — это раз, и с интимом, вон, к Селивановой, она всегда «за». Так чего надо?

— Короче, — Богдан трет пальцами подбородок и осматривается по сторонам. — Короче, дело такое... Блин, даже не знаю, как сказать-то...

— Да говори уже, прям как девица на выданье.

Да что это с ним такое, в самом деле?

Убедившись, что никто не греет уши, Малиновский подходит ближе и как обухом:

— Короче, выходи за меня, Ромашкина.

* * *

— Чего-о? Совсем, что ли, с дуба рухнул! — кручу пальцем у виска и настораживаюсь: — Или ты под чем-то? Ты это, серьезнее будь, Малиновский, не запускай себя, сейчас все-все лечится, любая зависимость.

— У меня зависимость от тебя, лапуль, — Богдан делает шаг и прижимает меня к двери своим благоухающим «Гуччи» телом. — Влюбился, сил нет, день и ночь о тебе думаю. Э, что это ты вытворяешь?

— Что-что, телефон достаю, — ворчу я и кое-как извлекаю аппарат из кармана пиджака. — Ты не волнуйся, сейчас позвоним куда следует, тебе помогут. Медицина знаешь как вперед шагнула!

— Ну вот что ты глумишься, я же серьезно.

— Малиновский, иди в баню! Заливай кому-то другому, но не мне, — спихиваю его с себя и собираюсь покинуть этот театр абсурда.

— Жень, да постой, — Богдан берет меня за руку и останавливает. Вот черт знает почему, но снова позволяю себя уговорить и обращаюсь. — Короче... Блин, Веник тащится, пойдем в другом месте поговорим, — он тянет меня к лестнице, но я артачусь:

— Не пойду я с тобой никуда, у меня лекция!

— Ромашкина, ну чего ты тугая такая, говорю же — дело крайней важности.

— Если Веник влепит мне прогул, отмазывать меня будешь ты! — стараюсь громко не топтать, юрко сматываемся на лестницу, несемся на первый этаж и, переводя дух, оказываемся в полупустой столовой. Тяжело дыша, смахиваю с лица выбившиеся пряди волос. — Все, выкладывай, может, как-то смогу еще без палева в аудиторию пробраться и ничего не пропустить.

— Давай кофе возьмем?

— Да что такое-то, а? Зачем столько прелюдий? Кофе, потом потанцуем, потом ты меня домой проводишь, и, может, только ПОТО-ОМ...